И.А. Панкеев, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: iap2007@mail.ru

РОССИЙСКОЕ АВТОРСКОЕ ПРАВО XX века В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ

В статье в историческом аспекте рассматривается формирование отношения к интеллектуальной собственности в XX веке, анализируются особенности государственного подхода к авторскому праву в советский период, исследуются причинно-следственные связи, оказавшие влияние на современное состояние сферы интеллектуальной деятельности.

***Ключевые слова**: авторское право, издательство, государство, интеллектуальная собственность.*

The forming of attitudes to intellectual property in the XX century in historical aspect is considered in this article, analyzes the features of government approach to copyright in the soviet period, explores the causal relationships that influenced the current state on the sphere of intellectual activity.

***Key words:** copyright, publishing house, government, state, intellectual property.*

Развитие российского авторского права в XX в. подтверждает давние истины: во-первых, верно идет вперед тот, кто умеет оглядываться назад; во-вторых, проблемы настоящего всегда уходят корнями в прошлое; в-третьих, история повторяется. 20 марта 1911 г. в России был Высочайше утвержден Закон «Об авторском праве», который готовился по решению Государственного Совета четырнадцать лет (кстати, почти столько же готовилась и 4-я часть Гражданского кодекса РФ, посвященная правам на результаты интеллектуальной деятельности и вступившая в силу в 2008 г.). Сравнительный анализ показывает, что, во-первых, новейшее законодательство во многом повторяет дореволюционные нормы; во-вторых, что послереволюционное нигилистическое отношение к вопросам интеллектуальной собственности задержало развитие страны в этом направлении почти на 80 лет. Достаточно сказать, что в соответствии с Законом 1911 г. «авторское право на литературные, музыкальные и художественные произведения принадлежит автору в течение всей его жизни, а наследникам или иным правопреемникам его — в течение пятидесяти лет со времени смерти автора»[1]; к этой норме в России вернулись только в 1993 г., с принятием Закона «Об авторском праве и смежных правах». Не случайно многие исследователи (в частности, Е.А. Моргунова) отмечали: «Как

[1] Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Отдел I. 30 марта 1911. № 61. Ст. 560.

по содержанию, так и по уровню юридической техники он (Закон 1911 г. — *И.П.*) опережал нормативные правовые акты западноевропейских государств» [Моргунова, 2009, с. 24]. На основе этого закона с 1911 по 1915 г. были заключены двусторонние соглашения об охране авторского права с Францией, Германией, Бельгией, Данией. К сожалению, это прогрессивное и активно действовавшее положение было отменено сразу же после Октябрьской революции 1917 г. — вместе со всем Сводом законов Российской империи.

Советский период можно назвать временем доминирования государственной собственности и формирования нигилистического отношения к собственности частной, в первую очередь — интеллектуальной, под которой понимается имущественное (исключительное) право автора использовать результат своей интеллектуальной деятельности по своему усмотрению любым способом: разрешать или запрещать воспроизводить, распространять, переводить, публично исполнять, сообщать в эфир или по кабелю и т.д. Если Декретом ВЦИК «О государственном издательстве» от 29.12.1917 г. Государственной комиссии по просвещению разрешалось объявлять государственной монополией до пяти лет (в 1922 г. Наркомпрос продлил этот срок еще на 5 лет. — *И.П.*) сочинения, срок охраны которых истек и рекомендовалось «воспользоваться этим правом по отношению к корифеям литературы, творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа»[2], то последующие документы или практически отменяли сам институт авторского права, или существенно ограничивали его (особенно в части наследования прав). В этом ряду значатся такие нормативные акты как «Об издании сочинений русских писателей» (1918), «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» (1918), «Об отмене наследования» (1918), «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях» (1919).

Одновременно Совнарком принял Постановление о расторжении существовавшей с 1913 г. литературной конвенции России с Германией (1918) «как противоречащей происшедшим во время войны изменениям», хотя ст. 4 Русско-германского дополнительного договора к Брест-Литовскому мирному договору позволяла не только отказываться от предшествующих соглашений, но и в некоторых случаях заключать новые.

Суть перечисленных и иных декретов и постановлений правительства в итоге сводилась к ограничению прав авторов и их наследников, к монополии государства в этой сфере, к снижению

[2] Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 297.

роли и возможностей частных издательств. Так, в результате отмены наследования отменялся и сам принцип перехода к наследникам исключительного права на произведения литературы, науки и искусства, поскольку, во-первых, «наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как недвижимое, так и движимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики» и, во-вторых, «настоящий декрет имеет обратную силу по отношению ко всем наследствам, открывшимся до его издания, если они еще не приобретены наследниками, или, хотя и приобретены, но еще не поступили в их владение»[3].

Государство разрывало прямые имущественные отношения между издателями и наследниками, присваивая себе функцию распределения финансов: теперь издатель должен был перечислять гонорар госучреждению, а уже потом госорганы сами решали, какую часть из полученных ими денег можно выдать наследникам. Это следовало как из Декрета «Об отмене наследования» («Размер подлежащего выдаче супругу и оставшимся родственникам содержания из имущества умершего определяется учреждением, ведающим делами социального обеспечения при губернских, а в Москве и Петрограде — городских Советах рабочих и крестьянских депутатов, по соглашению с лицами, которым предоставляется право на получение содержания, а в случае спора между ними, в общеисковом порядке местным судом»), так и — в еще большей степени — из Декрета «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» от 26.11.1918 г. В соответствии с последним достоянием РСФСР по постановлению Народного комиссариата просвещения могло быть признано любое произведение любого автора (как опубликованное, так и неопубликованное), равно как и гонорар, причитающийся после смерти автора; при этом все, что самим автором для обнародования не предназначалось (дневники, частная переписка и т.д.), теперь могло издаваться не только с согласия родственников, как это было ранее, но и с разрешения Народного комиссариата просвещения (наличие в ст. 4 слова «или» четко указывает на то, что при решении Наркомпроса обнародовать рукопись желание наследников не учитывается; к тому же право толковать, кто является близким родственником, имел единолично нарком просвещения). Нуждающимся и нетрудоспособным родственникам автора, чьи произведения признавались народным достоянием, полагалось лишь содержание в размере прожиточного минимума

[3] Декреты советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 187.

(и то только до введения всеобщего социального обеспечения). О том, что речь идет именно о монополии, свидетельствует сам текст документа, заключительная статья которого гласит, что за самовольное издание, распространение и публичное исполнение произведений грозит ответственность «как за нарушение государственной монополии».

В соответствии с другим декретом («Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях») отменялись все ограничения для государства, которые были заявлены бывшими владельцами архивов, хранящихся в публичных библиотеках и музеях. Иными словами, игнорировались как права наследников, так и выраженная в завещаниях воля «умерших писателей, художников, композиторов, ученых и др. деятелей науки, литературы, искусства и общественной жизни» и, более того, наследники лишались возможности влиять на процесс (время, место, объем и т.д.) обнародования хранившихся в данных архивах рукописей и писем, поскольку Декретом от 29.07.1919 г. устанавливалось, что «право первого издания таких архивов и всяких извлечений из них принадлежит Народному комиссариату по просвещению в лице соответственного отдела Государственного издательства»[4]. Таким образом, снимая ограничения для себя, государство вводило их для всех остальных, в том числе и для исследователей, которым теперь позволялось пользоваться архивами только «с особого каждый раз разрешения Народного комиссариата по просвещению».

Четкость проводимой государством политики в отношении интеллектуальной собственности подтверждает и Декрет Совнаркома от 10.10.1919 г. «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства». Трактуемый как освобождение авторов от кабалы дореволюционного закона, от эксплуатации издателями, как проявление социалистического правосознания, этот декрет отменял совершенные ранее сделки, предметом которых являлось отчуждение исключительного права. «Издатель теперь мог приобрести у автора только право на издание произведения; это право всегда было ограничено сроком. Теория «литературной собственности», корнями уходившая в старое общество, допускавшая «продажу» авторского права, была решительно и навсегда отвергнута Советским социалистическим государством»[5], — отмечали Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц.

---

[4] Декреты советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 412.

[5] *Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А.* Авторское право. М., 1957. http://www.pravo.vuzlib.net/book_z202_page_7.html

Следует сказать, что в 2008 г. Россия и в этой части вернулась к дореволюционной норме, так как в ст. 1285 ГК РФ говорится, что по договору об отчуждении исключительного права на произведение автор или иной правообладатель передают это право в полном объеме приобретателю такого права. На первый взгляд Декрет 1919 г. «О прекращении силы договоров...» вполне демократичен, т.е. исключал зависимость автора от издателя; на самом же деле он лишал автора главного — возможности полностью, только по своему усмотрению, распоряжаться своей собственностью. Проблема не была снята и появившимся в 1925 г. разрешением уступать имущественное право без ограничения срока, так как круг организаций был ограничен подконтрольными государству.

В советский период упомянутые нормативные акты 1917—1919 гг. трактовались как направленные на обеспечение интересов народа, на заботу об авторах и наследниках, на недопущение нетрудового обогащения и т.д. Безусловно, идеологизированные трактовки были необходимыми в условиях доминирующей «социалистической идеи предпочтения общественного интереса интересам отдельного лица»[6], поэтому жестко критиковалась теория «литературной собственности» как закабаляющая авторов и позволяющая издателям за счет их «эксплуатации» получать баснословные доходы. Как писал В.И. Корецкий, «на первый взгляд конструкция авторского права как права литературной (художественной, музыкальной) собственности была приемлемой для авторов, так как давала им возможность якобы свободного распоряжения продуктами своего творчества. Автору формально предоставлялось право использовать свое произведение и извлекать из него выгоду всеми законными способами. Однако автор, как правило, не имел своей типографии, книжного магазина, театра и т.д., а потому был вынужден за бесценок продавать или передавать на иных невыгодных условиях свое авторское право издателю, антрепренеру и другим предпринимателям» [Корецкий, 1959, с. 16]. При этом не уточнялось, что после революции автор тем более не мог иметь ни типографии, ни магазина, поскольку они переходили (или могли перейти) в собственность государства. Даже уже отпечатанные тиражи могли быть изъяты по воле властей, получивших такое право после подписания 20.04.1920 г. Декрета «О национализации запасов книг и иных печатных произведений».

Таким образом, обеспечив юридическое и идеологическое обоснования, государство планомерно и целеосознанно вытесняло из издательского дела частный сектор, тем самым значительно сужая для авторов возможность выбора. Для частных издательств вво-

[6] Там же.

дился особый (разрешительный) режим, закрепленный в принятом 12.12.1921 г. Совнаркомом Декрете «О частных издательствах», из которого следовал целый ряд ограничений — для издания произведений надо было получать разрешение в Госиздате или в губернских политпросветкомитетах (в противном случае издателя судили, а тираж изымали); Госиздат мог выкупить весь тираж по минимальной цене, практически оставляя частного издателя без прибыли; наконец, само функционирование частного издательства находилось в полной зависимости от воли Госиздата. К тому же, 18.01.1923 г. Наркомпрос РСФСР принял Постановление «Об объявлении государственной монополии на издание произведений некоторых писателей» (названо 47 фамилий: С.Т. Афанасьев, Л.Н. Андреев, С.Т. Аксаков, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, В.М. Гаршин, А.И. Герцен, Д.В. Григорович, А.С. Грибоедов, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Н.А. Добролюбов, В.А. Жуковский, В.С. Ключевский, С.М. Кравчинский, В.Г. Короленко, А.В. Кольцов, И.А. Крылов, М.Ю. Лермонтов, Г.Л. Лавров, Н.С. Лесков, Н.А. Майков, Н.К. Михайловский, Н.А. Некрасов, Н.С. Никитин, С.Я. Надсон, Н.П. Огарев, А.Н. Островский, А.С. Пушкин, Д.И. Писарев, Н.Г. Помяловский, К.Ф. Рылеев, Ф.М. Решетников, А.Н. Радищев, М.Е. Салтыков, К.А. Тимирязев, Л.Н. Толстой, А.К. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев, Г.И. Успенский, А.А. Фет, Д.И. Фонвизин, Н.Г. Чернышевский, А.П. Чехов, П.Ф. Якубович).

Если прибавить к этому перечню еще 58 фамилий писателей, чьи произведения были национализированы в 1918 г., то станет ясно, что частные издательства обрекались на умирание, ибо право на издание этих авторов навсегда закреплялось за Наркомпросом.

Конечно, оставался сегмент, занятый издательствами кооперативов и некоторых общественных организаций, но, во-первых, он не мог сравниться с государственным и, во-вторых, государственное социалистическое регулирование уже имело столь мощные рычаги воздействия, что естественными стали их систематизация, обобщение и закрепление в едином законодательном акте, которым стало принятое 30.01.1925 г. постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об основах авторского права», которое устанавливало единое регулирование в этой сфере на территории всего Союза ССР. Теперь авторское право по общему правилу принадлежало автору в течение 25 лет со времени появления его произведения в свет за исключением отдельно оговоренных меньших сроков на ряд произведений — фотографических, хореографических, кинолент и др. (хотя отдельная статья посвящалась тому, что Правительство Союза ССР или правительство той союзной республики, на территории которой произведение впервые выпущено в свет или находится в виде рукописи, эскиза или в иной объективной

форме, оставляли за собой возможность выкупа авторского права на всякое произведение в принудительном порядке); устанавливался территориальный принцип, определялись объекты и способы использования, правила наследования, защита произведения от искажения.

В то же время в соответствии с этим нормативным актом не считались нарушением авторского права перевод чужого произведения на другой язык, пользование чужим произведением для создания нового произведения, существенно от него отличающегося; использование художественных и фотографических произведений в изделиях заводской и ремесленной промышленности и т.д. Неприясненными оставались вопросы соавторства, составительства, ответственности за нарушение авторских прав и др. В РСФСР (в данной статье мы не рассматриваем правовое положение в других республиках) это было учтено сначала в Постановлении ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 11.10.1926 г. «Об авторском праве», а затем и в одноименном постановлении от 8.10.1928 г., которые наметили частичный возврат к утраченным традициям (провозглашался не только территориальный принцип, но и принцип гражданства (что было в ст. 4 Закона 1911 г.), увеличивался до пожизненного (а в соответствии с союзным постановлением и на 15 лет после смерти автора) срок действия авторского права, устанавливался режим ответственности и т.д.), а также утверждалось и детально регламентировалось понятие типового издательского договора, определялись исчисление сроков выпуска изданий в свет, пределы свободного использования произведений, предоставлялось право регистрации произведений.

Прогрессивное в сравнении с нормативными актами первых послереволюционных лет, постановление 1928 г. все же содержало положения, сохраняющие потенциальную государственную монополию на «право перевода, а равно и самый перевод на русский язык литературных произведений, появившихся на иностранных языках, как в пределах РСФСР, так и за ее пределами» и на выкуп прав на любое произведение в принудительном порядке «на основе особого постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР, если данное произведение впервые было выпущено в свет на территории РСФСР или находится на означенной территории в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме».

В 1964 г. вступил в действие Гражданский кодекс РСФСР (текст впервые опубликован в издании «Ведомости ВС РСФСР», 1964, № 24, ст. 407), утративший силу только 01.01.2008 г. В течение 43 лет подвергавшийся многим редакциям, продиктованным изменявшейся действительностью (например, присоединением в 1973 г. Советского Союза к Всемирной (Женевской) конвенции об автор-

ском праве 1952 г.), ГК РСФСР (вернее, его 4-й раздел, посвященный авторскому праву), был основой для постановлений республиканского Совета Министров и многих ведомственных актов в этой сфере. С 1974 г. срок действия авторского права увеличился до 25 лет после смерти автора, считая с 1 января года, следующего за годом смерти; в редакции этого же Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 01.03.1974 г. стало признаваться и авторское право переводчика на выполненный им перевод (в Законе 1911 г. эта норма содержалась в ст. 36, а что касается реальной актуализации этого права с 1974 г., то в ст. 489 ГК также отмечалось: «Компетентные органы СССР могут в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР, разрешить перевод произведения на другой язык и выпуск этого перевода в свет с соблюдением в соответствующих случаях условий международных договоров СССР»).

Этот документ, как и все предшествующие, тоже закреплял за государством возможность в принудительном порядке (ст. 501) выкупать у автора и наследников авторское право на издание, публичное исполнение и иное использование произведения; при этом порядок и условия использования произведений, авторское право на которые выкуплено, устанавливался Советом министров РСФСР. Могло быть объявлено достоянием государства и любое произведение, в отношении которого истек срок авторского права; порядок использования таких произведений тоже устанавливался Советом Министров РСФСР.

Слишком широко, в ущерб интересам автора, ГК РСФСР разрешал свободное использование произведений, т.е. без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения. Если дореволюционный закон допускал в газетах, журналах и прочих повременных изданиях «перепечатку из других повременных изданий известий о текущих событиях, о новостях дня», и однозначно запрещал «постоянные из одного и того же издания перепечатки», то ст. 492 ГК разрешала свободное воспроизведение в газетах даже «выпущенных в свет произведений литературы, науки и искусства в оригинале и переводе» и «воспроизведение в кино, по радио и телевидению публично произнесенных речей, докладов, а также выпущенных в свет произведений литературы, науки и искусства». Воспроизведением считалось также транслирование по радио и телевидению публично исполняемых произведений непосредственно из места их исполнения. К тому же позволялось свободно воспроизводить произведения в сборниках «в объеме, не превышающем в общей сложности одного авторского листа из произведений одного автора», а также «использовать чужое изданное произведение для создания нового, творчески самостоятельного произведения, кроме переработки повествовательного произведения в дра-

матическое либо в сценарий и наоборот» (последнее положение и до революции не считалось нарушением авторского права).

Как уже отмечалось, Кодекс 1964 г. утратил силу лишь 01.01.2008 г., хотя в этот период были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (1991), Закон «Об авторском праве и смежных правах» (1993), Гражданский кодекс Российской Федерации (1994), ряд ведомственных актов, Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (после принятия Закона 1993 г. положения ГК РСФСР имели силу при условии, что они не входят в противоречие с этим Законом).

Необходимость интегрирования новой России в мировое сообщество требовала соответствия отечественного законодательства в области интеллектуальной собственности международным нормам. Закон «Об авторском праве и смежных правах» в значительной мере способствовал решению проблемы. Авторское право теперь охраняется в течение 50 лет после смерти автора (напомним, что именно такой срок был установлен в России до 1917 г.); появилось разделение на имущественные и неимущественные права; детально прописывались правомочия автора; регламентировались правоотношения в области смежных прав; вводилось понятие организации, осуществляющей коллективное управление правами и, что важно, был признан приоритет международного права, а многие императивные нормы уступили место диспозитивным. Новеллами стали также право композиторов на вознаграждение за использование музыкального произведения при публичном исполнении аудиовизуального произведения, право доступа к произведениям изобразительного искусства и право следования и ряд иных положений. Заканчивался в этой сфере для России XX век знаковыми событиями — присоединением в 1995 г. к Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений и к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве

Как видим, к концу XX в. Россия в сфере авторского права пришла к тем нормам (естественно, с объяснимыми и неизбежными изменениями), которые во многом существовали до революции. Правовой нигилизм и партийно-государственный монополизм существенно замедлили развитие общества в этом направлении. Одним из негативных последствий стало внедренное в сознание нескольких поколений неуважительное отношение к интеллектуальной собственности, основанное на непонимании ее сути. Уже в XXI в. были приняты дополнения к Закону 1993 г., удлиняющие срок охраны прав до 70 лет после смерти автора (в 2004 г.), а затем (в 2008 г.) вступила в действие и 4-я часть ГК РФ, сейчас активно обсуждаемая и дополняемая; подписана Римская конвенция

об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (2003). Не исключено, что к моменту выхода этой статьи в свет Россия станет членом Всемирной торговой организации (ВТО), для чего «подлежит изменению или уже изменено более 100 законов», так как «для стран-кандидатов является необходимым уже до вступления в ВТО предоставить надлежащую правовую защиту интеллектуальной собственности и обеспечить фактическое соблюдение стандартов ТРИПС» [Хохлов, 2008, с. 35].

Внимание, уделенное автором статьи нормативным актам первой четверти прошлого века, объясняется тем, что и сейчас есть вероятность повторения совершенных в те годы «перегибов», и тоже — под лозунгами заботы об обществе, о праве на доступ к информации и т.д. Безусловно, новые технологии, в частности Интернет, требуют новых подходов. Но на данном этапе они не должны строиться на присвоении кем бы то ни было права использовать интеллектуальную собственность без позволения ее владельца — автора, наследника или иного правообладателя. Исторический опыт показывает, что отрицание традиций редко приводит к прогрессу. Особенно, когда дело касается таких категорий, как «личность», «творчество», «собственность» и «права».

Список литературы

Корецкий В.И. Авторские правоотношения в СССР. Сталинабад, 1959.

Моргунова Е.А. Авторское право. М., 2009.

Хохлов В.А. Авторское право: законодательство, теория, практика. М., 2008.

Поступила в редакцию
11.01.2011